

Бунин И. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 2. Произведения 1887 — 1909 г.
/ Коммент. В. Титовой //Художественная литература, М., 1987
FB2: WZ (WW_ZZ), 12 December 2019, version 1.0
UUID: 0E6D7E6A-B36D-427F-958C-3578D3ACF81C
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Алексеевич Бунин

Копье господне

Содержание

#1	0005
Комментарии	0017

Иван Алексеевич Бунин
КОПЬЕ ГОСПОДНЕ

Красное море встречает нас дурными знаменениями.

Вчера на закате дул хамсин[1]. Слева, в пыльной, красной мгле, садилось болезненно и тускло блестящее солнце. Справа эта мгла была сумрачнее. Там темнели очертания Джебель-Таира. И оттуда, со стороны Аравии, горячий ветер гнал двух птиц. Они неслись боком, низко над водою. Перья их были измяты и взъерошены. Неожиданно наткнувшись на спасение, на наш грузовик, они взмыли к верхушке фокса, на тугую струну штага, соединяющего фокс с гротом. Уцепившись, они крепко встряхнулись, приводя себя в порядок, и застыли.

Мы с мостика долго разглядывали их. Таиться нечего, — всем стало не по себе: это были два старых аравийских стервятника, два «вестника смерти» и всяческих бед. А ведь мы прямехонько идем на смерть: по всему побережью Аравии, в Суэце, в Порт-Саиде — чума и холера; в Джибутти, где мы стояли сутки и общались с берегом, умирает по сто, по двести человек в день. А нервы у нас никуда, — устали мы ужасно. Переход в Японию был

трудный, бурный. Не давши нам и недели отдыха, погнали нас назад, в Китай, оттуда — в Сингапур. Там мы без дела простояли месяц, изнуряемые жарой, лихорадочной влажностью... Индийский океан в марте, конечно, отдых, но ведь впереди было это проклятое Аравийское море и чума. А народ моряки чувствительный. Что же до веры в приметы, в предзнаменования, то плавающие в северных и тропических морях хуже всякого араба...

Вечером без охоты поиграли в шашки. Старший механик вспомнил покойного командира «Японии»: это было тоже во время чумы и тоже в Красном море, командир захворал, — может быть, и впрямь захворал, заразившись в Массове, где он съезжал на берег, — а захворав, поспешил принять датуры, оставив записку, что у него жар и опухоли под мышками... «Тело его было предано Красному морю...»

От песку, от горячего ветра закрыли люминаторы. Это печь с закрытой заслонкой! Свободные от вахт рано разошлись спать, — один пьяница Франц старчески ворчал и гремел в буфете, швыряя посуду. Но какой сон при хам-

сине! Тело ноет, сердце замирает. Поминутно, весь в поту, просыпаешься, куришь, снова задремываешь... Никогда не кажется так мала каюта! Лежа в темноте, слушая ровный плеск воды, бегущей назад, мимо, все думаешь о том древнем, мистическом, чем отравляет нас Восток — тропики, Индия, Китай... а в этом мгlistом море — Аравия. Какая загадочная, донныне неведомая нам, ветхозаветная страна — эти пустыни, до шлака сожженные ветхозаветным богом! Что там, в гористой, вечно мреющей миражами глубине ее?

Окраины мы знаем: жара, грязь и вечная холера в портах; дальше — пески и камни; где-нибудь на голой волнистой равнине их — страшный в своей доисторической неуклюжести верблюд, стоящий всегда одиноко, беспринято, далеко от той чахлой пальмы и грязного колодца, возле которого — большой жаркий шатер из черного войлока, слабо сияющий на солнце дымок костра, свирепая собака, полусонная от зноя старуха, полуголые дети в паршах, котелок, измазанный тестом дурры, невесть откуда занесенная керосиновая жестянка с теплой водой... А там — опять

то бархатные, то усеянные мелким, острым камнем пески. Там начинаются те заповедные, вечно засыпаемые песком пути из Сирии, Персии и Средней Азии к Мекке, Ятрибу, что издревле отмечают своими костями святые хаджи, гибнущие, во имя господа, от жажды, ураганов, зноя и, уж конечно, от холеры и чумы — «Раны от Копья», как называют ее арабы. Вот за такими-то караванами и следуют они, эти стервятники.

Их зловеющая близость чувствовалась всю ночь. Я выходил на палубу: горизонты мгlistы, луна туманно-розова, ночь суха, горяча — точно и не в море. Высоко, возле клотика фока — два темных комка... Где они вывелись, где скитались? Сколько раз отбивались от смерти, от таких же хищников, как и они сами, сколько раз рвали падаль, трупы и погибали от хамсина? «Господь есть бог ревнитель и мститель» — так и доньне верует пламенная страна их. — «Перед лицом его идет язва, а по стопам его — жгучий ветер...» И жгучий ветер с песком дул в каюту всю ночь...

К рассвету хамсин пронесло. В шесть утра

над каютами начинается топот босых ног, шум воды, пущенной из шлангов по палубам. Обычно слышишь все это одно мгновение, затем перевертываешься и засыпаешь еще крепче. Но нынче я очнулся сразу. Как всегда, ослепительный свет тропического солнца бил в люминатор, до головокружения душно было в каюте — и так отраден этот свежий шум! Сбежав вниз, к ванне, я раз десять окунулся в холодную воду. Мраморный пол, мраморная ванна и эта хрустальная вода — истинное наслаждение. Самому приятно чувствовать холодок своей руки, которойжимаешь сухую, горячую руку того, кого сменяешь на мостике. Там уже пекло. Я взял бинокль и навел его на птиц. Великолепны эти аравитяне! Сквозь стекла еще прозрачнее кажется прозрачный, сияющий среди ясного неба воздух. Четко, крупно видны блестящий на солнце бок мачты, витой стеньг-штаг и ястреба, в огромном пространстве висящие на нем: их желтоватое жесткое оперение, круглые совиные головы, покрытые редким младенческим пухом, прищуренные кошачьи глаза, короткие, крепко загнутые клювы и ли-

монные лапы. Оба ястреба очень велики и очень худы. И это особенно заметно тогда, когда какой-нибудь из них затрепыхается, взъерошивая перья, и плевком пустит на палубу известковый помет.

Фельдшер вышел перед завтраком на горячую палубу и стал стрелять в них из бульдога. Все окружили его, закинув назад головы. Всякому казалось, что, стреляя он, не было бы этого бесплодного треска. Вдруг один ястреб подпрыгнул и комом полетел с высоты наискось. Мелькнув своей рыжей желтизной, своими изломанными перьями в густо-синей и тяжелой, как масло, волне, он исчез под бортом. Другой испустил жалкий и злобный крик, взмахнул крыльями и опять, еще туже сжавшись, замер. Пули с визгом летели мимо него — он только втягивал в себя голову. Куда ему было деваться? В море, окружавшем его, не было ни единого камня. Ему оставалось одно — ждать, пока выйдут все пули. И наконец они вышли. Мы наводили на него бинокли, он во все глаза глядел на нас. Зол он, должно быть, невероятно: голоден так, как может быть только стервятник! Вечная брань со

всем живущим и вечное выслеживание жертв или падали... Жесток и к нему господь, определивший ему быть вестником черного Копья своего!

И целый день не выходила у меня из головы мысль о крысе, которая, может быть, уже сеет смерть, чумея в темноте наших трюмов.

Этот желтый флаг смерти, под которым мы теперь плывем, — желтый санитарный флажок, который мы должны были поднять в Джибутти, — твердо напоминает: будь всегда готов к ней, — она и над тобой, и впереди, и вокруг, вот за этой водою, на жарких песчаных берегах, среди той нищеты и грязи, которой живет почти все человечество: Копье господне вечно поднято!

Матросы, те подтягиваются при вести о малейшей опасности. И у нас теперь чистота необыкновенная. Очень рано стали мы готовиться к одесскому порту в этот рейс — чиститься, краситься. Несколько дней не смолкал ладный, дробный стук молотков: с палуб, с мачт, с бортов, с труб обивали старую, потрескавшуюся краску, а на ее место клали свежую, блестящую, спиртуозно пахучую. И

теперь нельзя было насмотреться на густую синеву за бортами, великолепно подчеркнутую яркой киноварью нашей железной палубы и золотой охрой труб. В небе, знойном и светоносном, весь день нынче не было ни единого облачка, ровно тянул навстречу легкий бриз. На баке иные из подвахтенных спят, иные болтают и курят. На носу разноцветными пятнами сохнет развешанное на веревках белье. На юте сладко щебечут те канарейки и те розовые тупички, которых возьем мы из тропиков на север... И только там, возле клотика фока, на блестящей в воздухе струне, в упор освещенный опускающимся солнцем, зловеще желтеет враг всяческой жизни...

Франц, больной с похмелья, лениво таскал свои разбитые ноги по палубе, яростно тряся колокольчиком.

— Memento mori![2] — сказал командир, когда мы сошлись на этот призыв в кают-компанию, к обеденному столу, и кивнул на люминатор, в который был виден фок: — Сидит, будь он проклят!

За обедом много пили. Солнце закатилось,

и была уже ночь, разгорался лунный свет во-
круг кают-компаний, освещенной электриче-
ством. Шел оживленный разговор — как все-
гда, толковали об окладах, о начальстве, кля-
ли свою службу, тешили себя мечтами найти
береговую. По кают-компаниям веял бриз. Но
он был слишком тепел, тело изнемогало от
пота. Даже свет электричества казался зной-
ным.

— На два румба справа встреча, — до-
ложил вестовой с порога.

Встречи — наша единственная радость, и
все встали, пошли на палубу. Давно ждем
«Меркурия» — не он ли? Но нет: слишком
низко и далеко друг от друга висели за тем-
ной зыбкой равниной, уходящей к востоку, к
Аравии, два далеких топовых огня... И, швы-
ряя окурки, красными полосками мелькав-
шие за бортом, глядя на фок, на гладкий ствол
его, прорезавший звездное небо, и на бессон-
ную птицу, висящую на штанге, мы разбре-
лись по палубе...

Ночь, опять ночь. Идешь — бриз мягко ду-
ет в спину, тело под легкой одеждой насла-
ждается им. Из трубы клубится темный вал

дыма, луна, как зеркало, мелькает в нем, по палубе бежит, волнуется широкая тень его, под ногами хрустит угольная пыль. Обдает теплом, запахом разогретого машинного масла и стали, дальше — опять ласковым ветром и чем-то раздражающим, приторным: это густо,пряно, как все в тропиках, пахнет из трюмов копра, кокосовые очески; этот запах вечно будет томить, напоминать пахучие гавани, теплую зеленоватую воду, первобытные челноки голых шоколадных людей, густые чащи высоких тонких пальм, склоненных с берегов, благовонные кумирни в вечно цветущих лесах... Волна за волной несется мимо борта, обгоняя тебя. Минуешь двери освещенных кают, — фельдшер и повар на порогах и вторят друг другу на звенящих мандолинах, — проходишь на корму и останавливаешься у штурвала, над кипящей водой...

Однообразно шумит она, выбиваемая винтом из-под кормы, вырывается из-под нее тугими клубами, снежным фосфором, и убегает в океан бледно белеющей прямой дорогой. Равнина моря к востоку тяжела, темно-лилова, в небосклоне над нею — белые звезды ши-

роко и низко раскинутой Большой Медведицы, родной с детства. Под луной — бесконечная сияющая гладь, осыпанная несметными серебряными иглами. Как высока эта теплая, тропическая луна, как легки и светлы горизонты! Драгоценными самоцветами играют над горизонтом юго-западным, особенно легким и светлым, Канопус и Сириус. Ниже, в прозрачном и пустом небосклоне, стоят четыре алмаза слегка склоненного Южного Креста, каждую ночь выходящего из недр тех неведомых южных вод, которым нет предела до самого полюса...

Вот с бака раздается два коротких удара в колокол — восьмичасовая склянка. В них — поэзия старой морской жизни, безграничных водных пространств, ночи за тысячи миль от земли. Они быстро тонут в великой тишине моря и неба, после них воцаряется еще более глубокое молчание, вода шумит еще однообразнее...

Вот опять среди темной равнины к востоку — медленно идущие огни встречного парохода. Мелькает и гаснет, мелькает, мелькает и гаснет огонек на нем: беззвучно, этими сла-

быми и бледными знаками, которыми дает
весть крохотная человеческая жизнь другой
такой же, окруженной морями, пустынями,
безвестностью, смертью, ведем мы нашу мор-
скую беседу, — с тревогой и надеждой спра-
шиваем о той родной точке земного шара, ко-
торая нам, скитающимся по всему свету,
единственно дорога и нужна...

У нас на вахте третий помощник, он и сиг-
нализирует. Человек он недалекий, тропики
умеет сравнивать только с баней, всех цвет-
ных называет эфиопцами, на стенах его каю-
ты — копеечные японские веера, открытки,
подчасник турецкой туфелькой, на столе —
карточка жалкой и некрасивой мещаночки...
Но да сохранит бог-ревнитель и его счастье!

Капри. 10 февраля. 1913

Комментарии

Рассказ впервые напечатан в газете «Русская молва», СПб, 1913, № 88 под заглавием «Рана от копья». В рукописи рассказ озаглавлен «В Красном море».

Написано Буниным по живым впечатлениям своих путешествий по Алжиру и в глубь Сахары.

Примечания

1

Сухой и жаркий ветер в Африке, несущий
пыль и песок.

[^^^]

2

Помни о смерти! (*лат.*).

[^^^]